

# Чаша терпения -3 / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 21 января, 2025

Чаша терпения -3 / повесть Чаша терпения -3 / повесть

\* \* \*

Решив, что так будет лучше, Реджеп вышел на дорогу и прибавил шаг, увидев возившегося у своего трактора на краю карты Меле. Он шел стремительно, не глядя по сторонам, не поднимая головы, и незаметно оказался рядом с Аннагуль, которая собирала хворост по другую сторону дороги. Бригадир вздрогнул, услышав окрик: «Эй, бригад!» Подняв голову, он увидел Аннагуль, которая вместе с племянниками собирала кусты. Реджеп сбавил скорость, поздоровался с ней.

– Арма, Аннагуль? Ну как дела, управляетесь со своим паем?

– Господи, да что тут есть, чтобы управляться! Она вдруг задорно рассмеялась. – Я вообще невезучая на хлопковый куст, Реджеп. Иначе почему именно мне должен был достаться этот крайний участок, на котором кусты такие редкие!

– Лучше поздно, чем никогда, говорят. Кто знает, может, счастье еще и улыбнется тебе...

– Ох и не знаю, бригад. На что мне счастье, которое после сорока придет. Да в любом случае, как бы дальше ни сложилось, по крайней мере меня не будут мучать воспоминания о свиданиях под тутовником, не надо будет с утра пораньше идти к нему отмечаться.

Реджеп смехом ответил на ее слова, покачал головой:

– Шутница ты, однако.

Аннагуль бросила охапку хвороста на соседнюю кучку.

– Какие уж там шутки, бригад. Я же своими глазами видела, как ты страдал там ранним утром.

Реджепу не захотелось оставаться здесь дольше. Поэтому он сказал:

– Ну ладно, Аннагуль, не буду отвлекать тебя от работы, – и пошел своей дорогой. До слуха его донесся ехидный смех

Аннагуль и ее слова: «Эх, бригад, хотела немного посплетничать с тобой, но ты заторопился». Сделав вид, что ничего этого не услышал, Реджеп прибавил шаг. Ему хотелось отругать Аннагуль, но вместе с тем ему было жаль ее: «Бедняжка, старая дева, а все о муже мечтает. Ох и не знаю, кто тебя возьмет с таким твоим характером...»

\* \* \*

Расстилая постель, чтобы перенести ребятшек, заснувших где-то где, Биби услышала грохот подъезжающего гусеничного трактора, и особенно была удивлена, когда он стал въезжать во двор. Она торопливо перенесла детей в постель, укрыла их одеялами. «Может, он сделал к трактору Меле прицеп и поехал за дровами?» Открыв дверь и выглянув во двор, она не поверила глазам своим. Увидев могучий тутовник, привязанный к «Алтаю» толстым тросом, припертый волоком, она ойкнула и замерла на месте. Пришла в себя, только когда муж вместе с Меле пытавшийся отцепить трос от дерева, крикнул: «Биби, скорее поставь чай!» – Боже мой, это ведь тот самый древний тутовник! И он его собственными руками выдернул, негодяй! Реджеп, который уже шел в дом, хоть и не слышал, что сказала его жена, но догадался. Поэтому, войдя в прихожую, повысил голос:

– Что ты разговариваешь сама с собой? Тебе ведь сказали, чтобы ты поставила чай!

Оглохшая от возмущения Биби не услышала его. Дрожащей рукой она указала на тутовник:

– Это тот, древний туттовник, Реджеп?

Бросив шляпу на топчан, Реджеп пошел к умывальнику. Он обернулся:

– Какая тебе разница, какой? Завтра придет Хыдыркули и распилит его, а ты топи себе в удовольствие!

– Как у тебя рука поднялась свалить это дерево, Реджеп? – Нахлынувшие слезы покатались по щекам Биби.

Умывшись, Реджеп стал вытираться полотенцем на ходу. Подойдя к жене, он повысил голос:

– Хватит лить слезы, будто отца похоронила, иди поставь чай! – Потом он крикнул Меле, который отогнал трактор в сторонку и стряхивал пыль с одежды: – Меле, вон в умывальнике есть вода! Биби поставила чайник на газовую плиту, расстелила сачак. Меле, который ехал в надежде услышать слова благодарности от жены бригадира, был разочарован. Наблюдая за расстроенной Биби, он наконец спросил у Реджепа:

– Что-то гелнедже очень расстроенной выглядит, уж не заболела ли она?

Реджеп ответил громко, чтобы жена на кухне тоже могла услышать его:

– Ай, Меле, когда-то под этим тутовником я впервые поцеловал твою гелнедже. Поэтому ей и не понравилось, что мы выкорчевали его.

Он думал, что жена как-то отреагирует на его слова, но его ожидания не оправдались. Биби молча принесла и поставила еду, а сама ушла в дом. Реджеп вслед ей покачал головой.

– Вот так она выражает свое недовольство.

Меле глупо ухмыльнулся на слова Реджепа.

– А ну, бригаат, жена твоя никуда не денется, повернись лучше лицом к еде.

Реджеп повернулся к сачаку и крикнул:

– Биби, а сто граммов не дашь?

Биби достала из шкафа бутылку водки и вынесла мужчинам.

Реджеп заулыбался, стал потирать руки.

– Ну вот, это совсем другое дело.

Через некоторое время со двора стали доноситься голоса и смех Меле и Реджепа, они нахваливали друг друга, над чем-то посмеивались. Биби, держа в руках шитье, проворчала тихо: «Бесстыжие, еще и смеются, будто большое дело сделали!»

... Поздней ночью, проводив Меле, Реджеп вошел в дом, едва держась на ногах. Он и в этот раз, как делал обычно, когда приходил подвыпивши, присел возле печи и протянул руку за подушкой, лежащей неподалеку. Некоторое время сидел молча, опустив голову, о чем-то задумавшись. Потом сказал жене:

– Сегодня, баба, мне твое поведение не понравилось.

Впервые в жизни услышав такое обращение – «баба», Биби

оставила рукоделие и застыла неподвижно. Удивленно посмотрела на мужа:

– Ты меня бабой назвал, Реджеп?

– А как я еще должен называть тебя, если ты при моем подчиненом вела себя, как последняя баба!

– Да пойми же ты, Реджеп!..

Реджеп замахал руками:

– Понимаю, понимаю. Знаю, что ты хочешь сказать.

Слезы выступили на глазах Биби.

– Ах, если бы понимал, ни за что не поступил бы так, тем более будучи бригадиром!

– Ай, мне и бригадирство это не нужно. Надоела мне эта работа. До каких пор я должен копать в грязи, когда уже имею право преподавать в школе!

– Я не знаю, найдется ли тебе место в школе, если ты будешь так пить!

– Найдется, найдется. Я уже давно забил туда клин. В тот день, когда ездил в город, я обо всем переговорил с Рахманом.

– И что он сказал?

– Говорит, если мне не лень будет ездить, он может устроить меня на работу в одну из городских школ. И я дал согласие.

Биби отложила рукоделие и посмотрела на мужа:

– Значит, тутовник ты свалил в ознаменование того, что переходишь на работу в город?

– Да прекрати ты свои пустые упреки. Я это сделал для того, чтобы мои детишки не мерзли.

– Уж лучше бы мы сидели совсем без топлива, чем ты умертвил этот тутовник!

Реджеп уже начал злиться:

– Послушай, прекращай свои бабские разговоры! Вчера ты мне одно говорила, покоя не дала, сегодня другое говоришь!

Биби и не думала молчать:

– Откуда же мне было знать, что ты именно на это дерево нападешь! Ах, как мне теперь людям на глаза показаться!

Реджеп сел и стукнул кулаком по полу:

– А ты сиди дома и не вылезай, чтобы люди не видели тебя!

Биби с тревогой посмотрела на мужа, у которого глаза полезли

из орбит.

– Реджеп, что-то неладное творится с тобой сегодня. Или лишнего выпил?

я тебе!

Реджеп поворочался в постели, потом вдруг сел:

– Не вспоминай так

Кровь ударила в голову Реджепу, раздражение его достигло высшей степени, и он заорал во всю глотку:

– Это твоя мать лишнего выпила, чтоб тебя!.. Сначала довела меня до белого колена, а потом говорит, что со мной что-то творится!

Впервые видя Реджепа таким злым, Биби испугалась, но так как он задел ее мать, она тоже не могла смолчать:

– Реджеп, что хочешь говори, но на меня. А если ты будешь задевать мою мать, я обижусь.

– О-хо, вот тебе и раз! Обидишься, говоришь? – Реджеп встал и, шатаясь, подошел к жене, сжал кулаки. – Вот тебе, если хочешь, обижайся!

– Вай...

От мощного удара, обрушившегося на нее, Биби упала, схватившись за голову. Реджеп, нашарив в кармане сигарету, сунул ее в зубы и пошел на улицу, ругаясь на ходу:

– Твою мать...

Впервые отведав кулак мужа, Биби, испытывая боль и унижение, обиду, не сдержалась, разрыдалась. Плечи ее вздрагивали.

\* \* \*

«Милые бранятся, только тешатся» гласит пословица. И хотя на лице появился синяк, Биби, задавая утром скотине корм, попыталась не таить в сердце обиду на мужа. Поглаживая все еще саднящую щеку, она ругала себя: «Сама я во всем виновата. Зачем надо было связываться с пьяным мужиком, можно ведь было и за утренним чаем все ему высказать!»

Увидев вышедшего из дома мужа, пальцами расчесывающего всклокоченные волосы, вспомнила, что поставила на плиту чайник.

– Вах, совсем забыла, наверно, он уже выкипел! – Биби бросила овцам охапку травы, подхватила ведро с молоком и быстрым шагом направилась к дому. Подвесив ведро на крюк, свисающий на веревке беседки, прошла на кухню.

Шаря в карманах и молча наблюдая за женой, Реджеп пытался вспомнить события вчерашнего вечера. Но как ни напрягал память, в голове было пусто, будто ее набили песком. В конце концов он махнул рукой и достал из заднего кармана брюк раздавленный коробок спичек. Опустившись на крыльцо, сунул в зубы сигарету и сделал пару жадных затяжек. Только после этого появились обрывочные воспоминания. Из кухни с чайником и пиалами вышла Биби и, увидев мужа, который толком не очнувшись от сна, уже дымил, как труба, по-своему расценила его поведение. «Вообще-то у него не было такой привычки, похоже, он раскаивается». Поэтому, расстилая сачак, постаралась говорить с ним как можно ласковей:

– Я заваарила чай, Реджеп. Не стоит так с утра пораньше травить себя дымом, лучше выпей чаю.

Реджеп, который, наблюдая за женой, думал, что она будет дуться на него по крайней мере дня два, что ему придется как-то подлизываться к ней, был немало удивлен поведению Биби. Он даже растерялся, когда она обратилась к нему как ни в чем не бывало. Но тут же сделал удобный для себя вывод: «Ну даа, конечно, люди не зря говорят, что сумашедшего и женщину может исправить только палка. Прав был и Мухи, который говорил, когда я женился: «Слушай, женщине палка необходима, как витамин».

Биби, не догадываясь о его внутреннем монологе, вновь подала голос:

– Похоже, от чрезмерной выпивки ты и слышать хуже стал.

Если не хочешь пить холодный чай, иди умойся и садись.

Реджеп приподнял гудящую, как пчелиный рой, голову.

– Сейчас, вот только докурю.

– Мог бы эту гадость и после завтрака покурить!

Хотя Биби была недовольна тем, что муж закурил натошак, ноток недовольства в голосе не прозвучало.

– И потом, говорят, если сидеть на крыльце, будет много

долгов, Реджеп!

Реджеп нехотя поднялся, отшвырнул в сторону большой окурок.

– Наверно, это придумал человек, который всю жизнь из долгов не вылезал. Держась за голову, он направился к умывальнику. – Голова раскалывается...

Как ни чесался у Биби язык, она пропустила эти слова мимо ушей.

Реджеп и после умывания, сев за сачак, не очень-то хотел есть-пить. Посидел немного, схватившись за волосы, потом сказал Биби:

– Похоже, что без похмелья никак не обойтись.

Биби возмутилась:

– С утра пораньше? Ты с ума сошел?

Реджеп перебил ее:

– Оставь свои выводы! У меня голова раскалывается.

– Я не собиралась нии в чем тебя упрекать! Просто не станет ли тебе еще хуже, если ты сейчас выпьешь?

– Клин клином вышибают. Реджеп прилег на подушку, сказал решительно: – От вчерашнего ничего не осталось разве?

Биби поняла, что он не успокоится, пока не выпьет:

– На дне бутылки оставалось немного, с пиалу.

Хмурое лицо Реджепа просветлело:

– Ага, как раз норма, тащи поскорее!

И в самом деле, выпив пиалу водки до краев, он почувствовал, что голова стала на место. Закусив, он даже улыбнулся:

– Вообще-то ты не такой уж и плохой человек, вот только любишь выступать, когда люди приходят в дом.

Биби, хоть и опасалась, что узелок, только что начавший распутываться, может вновь затянуться, тем не менее и сама не заметила, как выпалила:

– Сколько бы ты людей ни приводил, я никогда не хмурила лицо, Реджеп. Но когда увидела древний тутовник...

Реджеп, поставив на пол пиалу с чаем, которую уже подносили ко рту, оборвал жену:

– Да хватиит уже об этом тутовнике говорить! Сколько можно!

Ну, повалил, ну, приволок сюда, не надо же об этом бесконечно говорить!

– Я потому сказала, что ты упрекнул меня в негостеприимстве.  
– Все равно не вспоминай. Реджеп опять вспомнил слова Мухи о женщинах и палке, согласился с ним. – Нахмурилась и получила за это.

Их разговор перебил Кадыр-шумчи, поставивший у ворот свой велосипед и вошедший во двор. (Шум – зловещий, роковой; шумчи – человек, приносящий дурную весть). Когда Биби увидела его, по коже у нее прошел мороз. Она поспешно взяла бутылку, стоящую на краю сачака, и бросила ее под топчан.

У каждого человека свои способности. Но многие не знают о них, а потому мучаются. Что касается КАдыр-ага, то он недолго мучался. Люди очень быстро прознали о его способностях, и возложили на него обязанности извещать людей о всяких событиях, будь то свадьба или поминки. Ему это нравится, он с удовольствием обойдет все дома, ни один не пропустит. И поэтому, если устраивается какое-то мероприятие, никто не упрекнет тебя в том, что ты забыл пригласить его. И тебе не надо оправдываться, что твой гонец, почтальон Азим, забыл передать.

Есть у Кадыра-шумчи и еще одна особенность. Встретив его, достаточно сказать, какое именно мероприятие ты проводишь, и он сам знает, кому надо сообщить об этом, а кому нет. Ты только намекни ему: новорожденного празднуешь, или устраиваешь суннет-той (обрезание), сына женишь или дочь выдаешь, делаешь худаёлы или же день рождения, и он прекрасно знает, какие люди вхожи в твой дом в том или ином случае.

Правда, в последнее время многие не хотят лишний раз беспокоить Кадыр-ага, которому уже немало лет, (давно разменял шестой десяток), вроде уже не мальчик на побегушках. И если устраивается свадьба, назначают пару мальчишек и выгоняют их по домам собирать людей. Но если речь идет о похоронах и поминках, тут уж выбора нет никакого, только его просят исполнить эту печальную миссию. Вот почему кто-то из острых на язычок людей приштамповал к его имени кличку «шумчи». Поначалу он не знал об этом, но постепенно и до него дошли эти разговоры. Он тогда обиделся:

– С сегодняшнего дня я больше не буду сообщать роковые

новости. Сами разносите.

Как ни обидно тебе за твою кличку, но если ты человек честный и чистый, в конце концов не можешь отказать людям, когда они тебя просят об этом. Так Кадыр-ага в конце концов смирился с приставкой «шумчи».

При виде Кадыра-шумчи Реджеп тоже приподнялся, шепнул неслышно жене:

– Господи, кто опять?

Кадыр-шумчи, хоть и не слышал вопроса Реджепа, ответ дал мгновенно. Не заходя на веранду, он просунул голову в открытую дверь:

– Баки-ага ушел в вечность, – и сразу же повернул назад.

Глядя вслед Кадыру-шумчи, который уже входил во двор соседей напротив, Реджеп воскликнул:

– Чтоб тебе пусто было, проклятый! Как покажется, так обязательно дурную весть принесет!

Биби, расстроенная смертью старика, неприятно удивилась словам мужа:

– Не говори так, Реджеп. Не он, так кто-нибудь другой пришел бы с этим известием. Потом, жалея Кадыра-шумчи, добавила: – Честно говоря, мне кажется, он оттого так день ото дня сохнет и вращается в землю, что слишком много смертей стало. Как ни старается он не показывать виду, но ведь и ему тоже нелегко такие вещи сообщать.

Потягиваясь, Реджеп ответил равнодушно:

– Ай, не знаю, но мне почему-то все время кажется, что именно от него и исходят все несчастья.

Не обратив внимания на последние слова мужа, Биби сказала:

– Тебе тоже надо будет пораньше показаться, Реджеп. Жаль только, что ты выпил сегодня с утра, чего никогда не делал!

– Да что же, я должен сразу же бежать к ним, он ведь мне не близкий родственник. Реджеп встал, надел сапоги. – Покажусь вначале на работе, а там видно будет.

– Вий, не говори так, Реджеп. Ты ведь бригадир, и твое отсутствие сразу же будет замечено.

– И что ж мне теперь, выпивши, бежать туда?..

\* \* \*

Многие не придали значения тому, что смерть Бақы-ага пришлось на ночь, когда был выкорчеван древний тутовник, но от внимания Аннагуль-антенны это обстоятельство не ускользнуло. И поэтому, когда отмечали три дня покойному, по аулу поползли разные слухи. Люди осуждающе смотрели на Реджепа, сидевшего в сторонке, не поднимая на людей глаз, и тут же начинали что-то шептать на ухо соседу.

– Говорят, бедняга не смог пережить того, что Реджеп свалил древний тутовник, сердце прихватило.

– А я-то и думаю, почему его не было видно, когда мы хоронили покойника.

– С каким же лицом ему было показываться.

– Но он в тот вечер, когда совсем стемнело, показывался здесь.

– Уж лучше бы и вовсе не показывался, не дышал бы на людей перегаром. Эх, когда человек начинает разворачиваться, ничего хорошего от него не жди...

Никто не смел в открытую говорить об этом Реджепу, но все же до Мерета эти слухи дошли. Сейчас, возвращаясь с поминок и идя позади других, Мерет изо всех сил ругал ладшего брата. Придя домой, умылся и лег на топчан. Настроения не было никакого.

Пришедшая вслед за ним Гыммат тоже подлила масла в огонь мужа. Оттолкнув младшего сына, бросившегося к матери со словами «мама, что ты мне принесла?», она присела рядом с Меретом:

– Тоба, тоба, оказывается, наш подлец Реджеп виновен в смерти Бақы-ага!

Мерет посмотрел на жену грустным взглядом:

– А ты откуда это взяла?

– Вай, так об этом все женщины на поминках говорили! Она придвинулась поближе и понизила голос, словно хотела сообщить что-то очень важное. – Жена Реджепа тоже слышала об этом, чуть сквозь землю не провалилась от стыда!

Мерет, словно человек, оказавшийся в безвыходном положении, пожал плечами и тяжело вздохнул.

– Но ведь сказали, что Бақы-ага свалился днем, вроде бы у него поднялось давление.

– Ах, да об этом и его старшая невестка говорила, ол, свекор даже не знал ничего о тутовнике. Но кто же ее слушает! Людям ведь сплетни нужны, разве ты не знаешь!

– Э-эх, опозорил он нас! – Меред встал и проворчал себе под нос: – Будь проклята эта его бригадирская работа!

Гыммат поняла, что она и на сей раз должна будет поспешить на помощь мужу, а потому стала советовать:

– Как бы там ни было, он твой брат. Не зря ведь говорят: ударь корову по рогам, боль пронзит все тело. Так что один конец палки и тебя коснется.

Обычно спокойный Мерет, схватив папаху, вспылит:

– Ну и что же я теперь должен делать!

– Как это что? Он ведь твой младший брат, пойд и отругай его, чтобы впредь ему не повадно было.

– Хоть и брат мне, но он ведь бригадир...

– Вот-вот, так ты и разбаловал его: бригадир, бригадир! Он и занесся. Он пока что всего лишь бригадир, но даже если бы был секретаре райкома, все равно он твой младший брат, Мерет. Самый младший из вас.

Меред растерянно посмотрел по сторонам, задержал взгляд на жене:

– Значит, ты считаешь, что мне надо сходить к нему?

– А ты еще сомневаешься в этом? Заодно и напомнишь ему, что у него есть старший брат.

– Честно говоря, хоть он и младше меня намного, я считал его умнее себя, потому что он столькими людьми руководит.

Слова мужа обожгли Гыммат, больно ударили по ее самолюбию. Она стала что-то говорить возушенно, размахивая руками, но ее муж, уже выходящий за ворота, либо не расслышал ее слов, либо пропустил мимо ушей. Гыммат поворчала-поворчала и пошла в дом.

Реджеп сидел на топчане, свесив ноги, и курил одну сигарету за другой. Увидев старшего брата, сразу же догадался, с чем он пришел к нему. Поэтому даже не пошевелился, стал спокойно ждать брата, приготовившись к его упрекам.

Меред вошел во двор, покашлял, давая знать о своем приходе, сел рядом с братом. Некоторое время с жалостью смотрел на брата, который давился дымом, не обращая внимания на гостя.

– Как дела, все ли у тебя хорошо? Что-то ты слишком хмурым кажешься!

Реджеп ответил, не меняя позы:

– Если бы все было хорошо, ты бы сейчас не пришел. – Подняв голову, взглянул на брата: – Начинай, я готов.

Меред, не ожидавший такого приема, растерялся:

– Что начинать?

Реджеп встал с места, сжал кулаки и закричал:

– Назови меня палачом, убийцей, скажи что-нибудь! Раз ты пришел специально, наверно, тебе есть что сказать!

Только сейчас Меред почувствовал, что брат уже успел выпить. Постарался не вспылить, говорить как можно спокойнее:

– Ай, брат, я не собирался ни одного из этих слов тебе говорить.

– Значит, ты пришел для того, чтобы поблагодарить меня?

– И не за этим. Но я должен был сказать тебе, как неправильно ты поступил, свалив древний тутовник!

– Ну а теперь можешь добавить, что тем самым стал причиной смерти Баки-ага.

Меред с трудом сдерживал гнев, чтобы не вспылить на слова брата, который буквально напрашивался на скандал:

– Не напирай на глотку, а лучше выслушай меня.

– С тех пор, как я вернулся с поминок, мне все уши прожужжали этими словами. – Он посмотрел покрасневшими глазами в сторону дома: – И в конце концов получила по заслугам.

Меред зло посмотрел на брата и спросил дрожащим голосом:

– Кто это получил по заслугам?

– Жена, конечно, кто же еще!

– Она-то чем провинилась?

– Да с тех пор, как рухнул этот тутовник, она проходу мне не давала, будто ее отец умер.

– И правильно она тебя ругала. Люди тебе, может, и не смеют сказать, а ей все высказывают. Да и мне стоит где-нибудь появиться, как тотчас же слышу, что не сумел воспитать брата.

– И ты веришь всему этому?

– Ах, братишка, дело ведь не в том, верю я или нет. Плохо, что ты дал людям повод говорить об этом. Естественно, кто-то

обязательно поверитт в этти слухи.

Реджеп зло вскочил с места, швырнул на землю окурок и раздавил его башмаком.

– Ну и пусть верят! – Он достал с кармана пиджака новую сигарету и сунул ее в зубы. – А ну посмотрим, не перевернется ли земля и не опрокинется ли небо из-за одного трухлявого дерева.

– Да пойми ты, брат, это ведь не простой был тутовник. Для людей это была святыня, которой они поклонялись. Меред сердито махнул рукой. – Найдутся и такие, кто в конце концов скажет тебе это в лицо...

– Уже сказали, и отругали за это.

Мереду стало интересно, кто этот человек, осмелившийся поругать бригадира. И поэтому он, не дав брату договорить, удивленно спросил:

– Кто он, представитель области?

– Да нет, кто же еще, когда есть председатель. Ну и в кабинете у него было полно народу под предводительством бездельника Гурбана-гони.

– А-а, старики, значит. И как же ты выкрутился?

– И не пытался выкручиваться. Положил перед председателем заявление об увольнении.

– А вот с этим ты поспешил, брат. Мерет, хотя емму и не приходилось никогда обращаться к ним, все же гордился тем, что у него такие образованные братья. Сейчас он на какое-то время забыл, зачем пришел, и искренне расстроился из-за последних слов Реджепа.

– Ну и что сказал председатель?

– Он ответил: «Даже если бы не написал заявления, все равно мы не стали бы держать человека, который без разрешения осмелился срубить древний тутовник».

– Нехорошо все это, очень плохо получилось. – Мерет прикусил губу, покачал головой. – Ах, если уж у вас возникла такая нужда, могли бы придти к нам за парой мешков угля.

Реджеп горько усмехнулся словам брата:

– Ты о паре мешков говоришь. Недавно, когда похолодало, я пришел к вам с двумя ведрами, попросить угля, так ведь

гелнедже не дала.

Меред, узнав об этом, был неприятно удивлен.

– Ай, стоитт лии на нее обижаться, ты ведь знаешь свою гелнедже! – Он поспешил переменить тему. – Ладно, оставим эти мелкие разговоры. Тебя случайно не обязали заплатить штраф?

Реджепа искренне рассмешили слова брата, но он не подал виду, ответил серьезно:

– Пока что ни о каком штрафе не говорили. Но тутовник собираются забрать.

– Куда, к председателю?

– Нет, он послужит материалом для дутарной мастерской, которая будет открыта в колхозе.

– Э-эх, как все это неприятно! – Мереду было жаль и тутовник, который заберут, и обидно за брата, которого выгнали с работы. Вместо того, чтобы, как говорит Гыммат, напомнить Реджепу, что у него есть старший брат, растерявшись окончательно, он тяжело вздохнул и опустил голову.

### III

Биби за всю ночь не сомкнула глаз, ожидая Реджепа. И какие только мысли не лезли ей в голову! Она вспомнила разговоры о том, что в последнее время в городе усилилось хулиганство. «Неужели на него напали жулики?» Она сама испугалась собственных мыслей. Посмотрела на детишек, безмятежно разметавшихся во сне, подумала: «Пусть он пьет, курит, только был бы жив, чтобы вот эти не осиротели». Но легче ей от этих ммыслей не стало. Напротив, перед глазами оживали картины одна страшнее другой. И поэтому, чтобы хоть ненадолго отвлечься от своих страхов, Биби решила предаться воспоминаниям.

... Старший брат Меред и его жена Гыммат искренне сожалели о том, что Реджеп оставил свое бригадирство и перешел на работу в школу, зато Биби радовалась. Оставаясь дома одна, она мечтала: «Уж теперь-то он будет меньше пить, ведь ему надо будет перед учениками показываться». Однажды, собираясь в Ашгабат на последнюю сессию, он взял из дома последние деньги и произнес в сердцах: «Не надо было мне оставлять

бригадирство, пока не закончил учебу!» Она тогда не поддержала его. Напротив, постаралась успокоить: «Реджеп, ты за нас не переживай, забирай все деньги. На днях я получу зарплату и еще немного подкину тебе». Так она и поступила. Бывали случаи, когда она целыми ночами, до первых петухов занималась вышивкой. Тяжелая работа в колхозе, бесконечные домашние хлопоты не сделали ее краше, она даже заметно подурнела, и все же виду не подавала, как тяжело ей живется. Даже когда валилась с ног от усталости, старалась находить для себя слова утешения: «Все это ведь не навечно. Вот скоро Реджеп закончит учебу, и тогда мы заживем, как другие».

С тех пор урюковое дерево, посаженное возле дома, дважды плодоносило. Реджеп защитил диплом. Но ветер перемен, которого так ждала Биби, все не задувал. Каждый день утром уходя из дома, Реджеп возвращался в него затемно. Видите ли, городская школа – это вам не сельская, там работы много. После работы надо вести какие-то кружки, еще что-то, словом, так просто домой не уйдешь.

Поначалу Биби не придавала особого значения словам мужа, не сердилась на него, но когда однажды заметила, что их участок зарос сорняками и выглядит хуже, чем у других, не выдержала, сорвалась:

– Хорошо было бы, если б нашел время и для дома. Посмотрии, на что стал похож наш участок. Честно говоря, мне стыдно перед соседями.

Реджеп, уже собиравшийся на работу, вырядившись в выглаженные Биби черные брюки и белую рубашку, хоть и не разозлился, но голос на жену повысил:

– А где я тебе возьму время? Или, может, мне работу бросить, чтобы заниматься приусадебным участком?

– Работу можно и не бросать, но не может же быть, чтобы тебе каждый день надо задерживаться после работы!

– А ты думаешь, что я в свое удовольствие там остаюсь!?

Биби вспомнила последний разговор, состоявшийся с Аннагуль-антенной, которую она встретила по пути. В тот раз она, словно желая показать, что в курсе всех событий не только в поселке, но и в городе, многозначительно улыбнулась:

– Подруга, ты бы немного приструнила своего мужа! Он ведь неспроста так выряжается каждый день, пылинки с себя стряхивает! Люди своими глазами видели, как он там в городе ходит с одной бабой в коротком платье. Подружку себе завел. Я с тобой много лет в одной бригаде проработала, поэтому и решила предупредить по-дружески. Хотя таких учителей в нашем селе хватает. Не будь ты такой простодурой, уже давно сама могла бы догадаться.

Аннагуль тогда обиделась, что Биби так равнодушно слушает ее страстные слова, к тому же с улыбкой на лице. Поэтому сказала: «Ну ладно, смотри сама. Мое дело предупредить тебя. А ты потом не говори, что я подруга и не сказала ничего», – повернулась и пошла своей дорогой.

Биби тогда изо всех сил старалась казаться спокойной и уверенной, чтобы не показать виду Аннагуль, но потом целый день не находила себе места, сердце ее сжималось, как в тисках. «Да нет, если бы он так уж лез в глаза, его бы не поставили завучем» – успокоилась она, вспомнив, что Реджепа недавно перевели заместителем директора по учебно-воспитательной работе. И хотя она чувствовала, что успокоилась, все же семя ревности было посеяно. Особенно остро ощущала она это в те дни, когда Реджеп слишком долго задерживался на работе.

Вспомнив слова Аннагуль, она чуть было не выпалила на вопрос Реджепа: «Да, ты остаешься там ради своего удовольствия!» Но вовремя прикусила язык, подумав, что словам Аннагуль нельзя верить. Хотя и не сказала ничего прямо, недовольство свое она все же выразила:

– То, что в удовольствие остаешься, я чувствую, когда ты каждый раз приходишь, дыша водкой.

После этих слов на нее обрушился удар такой силы, что из глаз посыпались искры...

Вспомнив тот день, Биби невольно схватилась за щеку, будто вновь испытала удар. Ей даже показалось, что за ухом вспыхнула боль.

Стараясь не придавать всему этому значения, она посмотрела в окно, за которым уже начало светать, и вышла во двор. Не

находя себе места, вышла за ворота, посмотрела на дорогу, откуда должен был придти Реджеп. Но кроме пары собак ничего не заметила. Вернувшись во двор, Биби опустилась на топчан. «Раньше за ним такого не наблюдалось, чтобы он не ночевал дома. Может, мне сходить к его старшему брату, поговорить с ним?» С этими мыслями она встала с места, сделала несколько шагов и остановилась: «Ну что я буду пугать спящих людей, еще ведь ничего не случилось. Подожду немного, может, он скоро вернется!» Придя к такому решению, Биби пошла на кухню, поставила чай.

Заварив небольшой чайник, Биби поставила его перед собой, но ей ничего не хотелось. Чем больше она сидела, тем сильнее становилась охватившая ее тревога. Мысли одна страшнее другой приходили ей в голову. Наконец, поняв, что больше не в состоянии находиться в неведении, она посмотрела на разгорающийся восток и встала. «Соседи уже проснулись, наверно, и они уже тоже встали». Сунув ноги в калош, Биби пошла в дом к деверю, живущему неподалеку.

Появление Биби в столь ранний час встревожило Мереду и Гыммат, которые только собирались пить утренний чай. Гыммат, поставив пиалу, которую уже поднесла ко рту, вскочила с места. Забыв о приветствии, спросила:

– Что случилось, Биби?

Слова свояченицы подействовали на Биби, скопившиеся слезы ручьем хлынули из глаз. Схватив конец платка, она опустила голову:

– Ах, откуда же мне знать, случилось что или нет? Всю ночь прождала, думала, вот придет, вот придет.

Слезы Биби подействовали и на Мереду. Он тоже вскочил с места, испуганно округлил глаза:

– Что, Реджеп не пришел домой?

– Не пришел... – Биби уже рыдала, не сдерживаясь. – Вчера ушел на работу. Если бы с ним ничего не случилось, он бы пришел домой.

Гыммат схватилась за ворот платья:

– Не говори так, Биби, тоба, тоба. О плохом вообще не думай. Вот увидишь, он жив и здоров. Сегодня ведь выходной, поэтому

он, наверно, и заночевал у Рахмана со спокойной совестью.

– Да где же у Рахмана ночевать, в его однокомнатной клетушке что ли? Меред трясся всем телом, то ли от тревоги, поселившейся в его душе, то ли от злости на брата. – Ах, уже взрослый стал, семья своя, а все равно покоя нет от него!

Гыммат нелегко было успокоить мужа и свояченицу. Она долго говорила, приводила какие-то примеры, находила какие-то успокаивающие слова, и те в конце концов послушались ее. Налив в пиалу чай, она протянула все еще стоящей на ногах Биби:

– Вот увидишь, он скоро объявится. Пока его брат работает большим прокурором, никто и пальцем тронуть его не посмеет.

Хотя эти слова и не были обращены к нему, Меред тоже одобрил последние слова жены:

– Ну конечно же!

– А раз так, то сиди и спокойно пей свой чай. – Гыммат повернулась к свояченице. – А ты пей скорее и поспеши домой. Детишки перепугаются, проснувшись и не обнаружив тебя.

Биби выплеснула остатки чая на землю и поспешила домой.

Когда Биби вбежала во двор, ее встретил холодный взгляд Реджепа, который полулежал на топчане, даже не раздевшись.

– Откуда это ты примчалась с утра пораньше?

Понимая, что муж таким образом пытается отвлечь от себя внимание, Биби тем не менее растерялась от его злого голоса. Не зная, что ответить, она остановилась у порога, как вкопанная.

– Вий, ты пришел?..

Реджеп, насупив грозный взгляд, спросил:

– А ты думала, что я насмерть ушел, не вернусь? И поэтому, бросив детей одних, к любовнику побежала?

Получилось, что стыдно стало не вору, а тому, кто его застукал. Биби прошиб пот, словно ее окатили кипятком с головы до ног.

– Что ты такое говоришь, Реджеп, подумай. Постыдись...

– Что-о? – Реджеп перебил жену, сел на топчане и зло посмотрел на нее. – Значит, должна стыдиться не женщина, которая ушла, бросив дом, а я?

Биби почуяла запах водки. Поняв, что муж сейчас не в себе,

постаралась не связываться с ним.

– Реджеп, прекрати бесполезные упреки. Главное, что ты вернулся живым и здоровым, больше нам ничего не надо!

– Пусть тебя не касается, каким я пришел! Ты лучше скажи, где ты была!

– Тебя не было всю ночь, я переживала, поэтому и пошла к твоему брату.

– Значит, продала меня, сучка!

Биби заерзала, словно ей под платье залез мураш. Но в ней теплилась маленькая надежда, что муж успокоится, узнав, что она переживала за него:

– Что я продала, Реджеп? Я ведь за тебя переживала, боялась, что с тобой что-то случилось...

– Врешь! – зло выкрикнул Реджеп и стал бить кулаком по топчану. – Ты не из тех, кто беспокоится о моем достоинстве. Небось уже всему миру сообщила, что я не ночевал дома, как сплетница – жена Анна-пилпила.

– Вай, не говори так, разве твое достоинство – это ии не мое достоинство?

– А если ты так считаешь, тогда почему же языком своим мелешь всюду!

– Я только твоему брату сказала, больше ни одному человеку ни слова не говорила.

– Пока есть жена брата, другим можно ничего не говорить! Завтра весь аул будет говорить о том, что я не ночевал дома!

– Не думаю, что люди будут говорить об этом. – Биби жалобно посмотрела на мужа. – А ты мог бы и придти домой ночевать.

Реджеп воспринял жалобные слова жены как приказ. Разозлившись, он заговорил с пеной у рта, разбрызгивая слюну:

– Не приду, слышишь, не буду приходить! Даже если ты умрешь от страха, все равно не приду!

Биби с трудом заставила себя улыбнуться:

– Вай, да почему же? Кто же бежит з своего дома?

– Я не из дом, я от тебя бегу, от тебя.

– Не стыдно тебе говориить такие вещи? Ведь у тебя высшее образование, ты пр должност находиишься!

Сжав кулаки, Реджеп заорал:

– Стыдно, что я, мея все это, живу с тобой, грязной колхозницей.

У Биб закружилась голова, будто кто-то опустил ей на голову свой мощный кулак, в глазах потемнело. Она без сил опустилась вниз...

\* \* \*

Стоило в ауле двум женщинам встретиться, как они непременно вспоминали о Реджепе:

– Говорят, он уже без зазрения совести ходит под ручку со своей «фифой» в коротком платье. Мороженым ее угощает у всех на виду.

– А чего ему стыдиться, он совсем уже совесть потерял! Говорит ей, что прогонит свою жену и женится на ней.

– Наверно, так оно и есть, иначе он бы не на второй день узнал о рождении последней дочери.

– Ах, ах, а за все его грехи отдувается бедняжка Биби. Ведь уже сколько лет родные не знают с ней, на порог ее не пускают! А если теперь и муж говорит, что она ему надоела, ей только повеситься остается!

– Говорят, у Реджепа в городе есть квартира!

– Откуда там квартира у него возьмется. У его сучки, с которой он встречается, в городе есть подруга. У нее они и спят.

– Но вроде бы эти бесстыдницы обе работают учителями в той же школе, что и Реджеп?

– Ну и что? Любовница Реджепа и раньше одного такого дурака облапошила, теперь вот его нашла. А ее подруга своего мужа выгнала из дома.

– Тоба, тоба, потому-то и сдружились эти две развратницы.

– Не дай бог увидеть глазами то, что слышат уши. Что жен прогоняют, мы слышали, но чтобы мужа выгнала – такое впервые слышим.

– Говорят, городские так делают...

– Наверно, и Биби об этом знает?

– А если и знает, кому она может пожаловаться? Бедняжке ничего другого не остается, как молча сносить все унижения.

Что бы ни говорили, под всеми этими слухами была почва. Как и предполагали женщины, Биби тоже об этом известно. Но что она может поделать, на чью помощь рассчитывать? Она как в зеркале видит, что может сказать ее мать. «Ну что, счастлива ты? Когда-то твои глаза не видели других мужчин, кроме его. А сегодня мы опять понадобились тебе? Иди, иди, ты нас на мужа променяла, а поэтому и ты нам теперь не нужна! Утри слезы на своих глазах колючкой!» Мать именно так и скажет, можно в этом не сомневаться. Ведь за семь лет сколько людей пыталось приирить ее с дочерью. Нет, она так и не оттаяла. Биби и сама тайком раз ходила то к гелнедже, то к тете. Но все было безрезультатно. И тетя, и гелнедже принесли ответы, одинаковые, как близнецы: «Чтобы ноги ее не было в моем доме, пока я жива».

Поэтому, как ни тяжело было, Биби вынуждена была смириться со своей горькой судьбой. А если изредка, увидев кого-то из родных на свадьбах или поминках, расстраивалась, старалась работой заглушить эту боль.

Но не всегда заботами о семье можно заглушить бесконечную боль, которая живет в тебе. А когда все твое тело ломит, будто тебя в ступе толкли, до работы ли тебе!

Биби, проливавшая слезы, с выбитыми после вчерашних побоев зубами, услышав голос старшего сына Дидара «мама, я есть хочу!», нечеловеческим усилием заставила себя подняться. Вытерла глаза, сказала сыну:

– Сейчас, сынок, я заварю чай! – Держась за стенку, пошла на кухню. Приготовив детям завтрак, прилегла.

Старшему сыну, который уже начал кое-что понимать, стало жаль мать. Хоть и был голоден, он даже не прикоснулся к еде. Посмотрев на мать, которая лежала без сил, он подошел к ней и обнял:

– Мама, правда ведь у нас папа плохой?

От этого вопроса Дидара ко подступил к горлу атери. Но она постаралась не показать виду, едва заметно улыбнулась:

– Вий, что ты такое говоришь? Разве могут быть папы плохими?  
Мальчик погладил ее по лицу:

– Но он ведь вчера бил тебя. Посмотри, у тебя на лице синяки.

Биби не знала, что ответить сыну, прижала к груди его слабые ручонки:

– Ах, дитя, он нечаянно побил меня.

Даже дети не верят вранью, которое не похоже на правду. Дидар вырвался из объятий матери:

– Не обманывай, он каждый день бьет тебя!– Потом он сжал маленькие кулачки: – Если папа еще раз тронет тебя, я его убью!

Из глаз Биби невольно выкатились две слезинки. Незаметно для сына она смахнула их концом головного платка, погладила Дидара по головке:

– Только глупенький дурачок может ударить своего отца, сынок.

Покраснев от слов матери, Дидар, чтобы не быть дураком, опустил кулачки.

– Тогда скажи папе, чтобы он больше не бил тебя.

– Хорошо, сынок, скажу. Больше он не тронет меня. – Биби пододвинула к сыну конфетницу. – Возьми, сынок, выпей чаю.

– А ты что?

– А я потом попью, сынок.

Дидар возразил:

– Нет, давай вместе пить.

Биби, кряхтя, с трудом села.

– Хорошо, сынок, вместе попьем, – и подвинула к себе чайник.

Биби дала сыну слово, что отец больше не тронет ее, но слово это сдержано не было. В последнее время Реджеп стал совсем невыносимым. Раньше он изо всех сил старался скрыть свою связь с другой женщиной, придумывал какие-то причины, но теперь совсем обнаглел, даже и не пытался скрыть. И даже имя ее назвал. А что оставалось делать Биби? Поначалу она не придавала этому значения, считала, что это выдумки сплетниц вроде Аннагуль. Когда же Реджеп сам сказал об этом, она только плакала и проклинала Гулняз. И за это тоже получила от Реджепа.

Избитая мужем, Биби облегчала свои страдания слезами. Но на этот раз облегчение не наступало, напротив, чем больше она плакала, тем сильнее сжималось ее сердце, биение его учащалось. Она долго ходила со своей бедой, пытаясь справиться

сама, но в конце концов не выдержала, сказала братьям мужа Мереду и Рахману. Ну и что, что сказала, разве что-то изменилось? Пришел старший брат, пожурил младшего и ушел себе. А от Рахмана и этого не дождалась. Выслушав Биби с улыбкой на лице, сказал ей затем: «Ты не рассказывай всем подряд о своем муже, гелин. Я сам поговорю с ним». А потом, расхаживая по тесному кабинету с заложенными за спину руками, добавил. И не ходи по всяким там сельсоветам да органам, не беспокой зря людей. Это и для нас не очень хорошо, не роняй нашего достоинства. И потом, органы – это мы сами. Ты можешь спокойно возвращаться домой, я сделаю так, чтобы он каждое утро просыпался рядом с тобой».

С тех пор прошло около полумесяца, за это время были выбиты еще два прекрасных зуба Биби. А от Рахмана ни слуху, ни духу. Видя свою безнаказанность, Реджеп и вовсе распоясался.

Но женщина все готова стерпеть ради сохранения своей семьи. Биби тоже не хотела оставлять своих детей без отца. Как она умоляла Реджепа не бросать семью, просила одуматься. Но ни ее слезы, ни жалобные ольбы не огли растопить окаевшего сердца ужа. Реджеп только видел перед собой стройную красивую Гульняз, слышал ее ласковые слова, которые она шептала ему на ухо в инуты страсти: «Твоя жена недостойна тебя. Каждый должен выбирать себе ровню, Реджеп. Что ты в ней хорошего нашел, от нее же кислы потом несет, фу!» И поэтому он на просьбу жены объясниться ответил презрительно:

– О-о, это с тобой-то я должен объясняться? От тебя скотской воню несет, и я должен слушать тебя?

– Ради наших детей, давай поговорим, Реджеп! Их хотя бы пожалей! Не оставляй их без отца!

– Опять завела свою пластинку! Они не останутся без отца. Если хочешь, можешь оставить их всех мне.

– Как у тебя язык повернулся сказать такое, Реджеп? Да разве же я смогу жить без них!

Реджеп равнодушно посмотрел на жену, которая рыдала, согнувшись на полу, толкнул ее ногой:

– А если не сможешь жить, то с собой забирай своих щенков. Только не вставай у меня на путти. Без Гульняз мне нет жизни!

Ударившись головой об стенку, когда муж пнул ее ногой, Биби, даже не обратив внимание на боль, уставилась на него потускневшим взором:

– Но ты ведь любишь меня, Реджеп! Разве ты забыл уже все слова, которые говорил мне когда-то?

– Я тогда был молод и глуп.

– Ошибаешься, Реджеп. Сейчас ты ослеплен и обманут своей любовницей. Но ведь она уже одного такого погубила, эта развратница.

– Заткнись!.. – глаза Реджепа полезли из орбит. – Кто тебе такое сказал?

– Люди говорят...

– Что люди могутт знать? – Реджеп зло проворчал себе под нос:

– По колена в грязи ходят, за собой следить не могут, а других осуждают. Всюду свой нос суют. Ну зачем вы трогаете меня?

– Не говори так, Реджеп, люди не желают тебе зла.

– Но и ничего хорошего они мне не делают. Вечно сплетничают за глаза. Так и хотят подножку поставить тебе!

– Люди переживают за тебя, жалеют, что ты сбился с пути.

– Но ведь эти люди два слова связать не могут, а еще судят о других, кто сбился с пути, а кто на правильном пути. Вон Рахман знает, какой путь правильный.

Последние слова, вырвавшиеся из уст Реджепа, сразу же все прояснили. Только теперь поняла Биби причину того, что Рахман никак не пытался образумить своего брата, и то, как он улыбался, слушая ее. Так был отрублен еще один корень ее дерева надежды. Она еле выдавила из себя:

– Выходит, это Рахман учит тебя, какой путь для тебя правильный?

После этих слов Биби Реджеп понял, что сгоряча сболтнул лишнее. Он сразу же решил исправить свою оплошность, а сделать это можно было только криком:

– Не трогай Рахмана! Ты что, теперь и его пытаешься очернить?

– Вай, о чем ты говоришь? Просто ты самм сказал, поэтому...

Реджеп перебил жену:

– Я просто завидую Рахману, завидую. У него и жена, и он самм образованные люди. И поэтому у них нет никаких проблем. Вот

увидишь, скоро его переведут на работу в область, а затем и в столицу.

– очень хорошо. Я буду только рада, если твой старший брат будет расти по работе. И ты радуйся.

– А я и радуюсь. Только что не теперь, до конца дней своих быть заместителем директора?

– Даст Бог, ты тоже вырастешь. Смотри, ты ведь уже стал завучем.

– Пока у меня такая жена, как ты, я не вырасту.

– Почему, Реджеп?

– Ах, если бы твоя голова была в состоянии понимать такие вещи, ты бы ни себя, ни меня не мучала бы!

– Честно говоря, я никак не пойму, чем я тебя мучаю. Изю всех сил стараюсь угодить тебе, и ты после этого говоришь мне такие вещи. Честное слово, я ничего не понимаю.

– А если не понимаешь, я объясню тебе: мне не нужна тупая жена, которую интересуют только заботы о семье, мне нужна образованная женщина. Культурная и интеллигентная, которая могла бы жить и работать в столице. Ты и теперь ничего не поняла?

Биби тяжело вздохнула.

– Поняла! И что я теперь должна делать?

– Уйди от меня, возьми с собой детей.

Красные от слез глаза Биби, которые, казалось, иссохли от постоянных рыданий, вновь наполнились слезами. Губы ее дрожали, как у ребенка:

– Куда я пойду, Реджеп? Разве мне есть куда пойти? Разве ты не знаешь о том, что из-за тебя от меня все мои родные отвернулись?

Этот вопрос женщины, избитой, с выбитыми зубами, но все же согласной на все, лишь бы ее не бросали, застал Реджепа врасплох: «И в самом деле, а куда она пойдет?» И в ту же минуту перед его мысленным взором появилась Гульняз: «А-а, жалеешь ее? Если она почувствует это, ни за что не уйдет. Будь мужчиной. Или поищи другой выход. У тебя ведь голова варит».

Видя, что никакими побоями и жестокостью он не может отлучить жену от себя, Реджеп подуммал, что, пожалуй, Гульняз была

права, когда говорила, что надо поискать другой выход. И он сразу же нашел этот выход. Стараясь говорить как можно ласковей, спросил у жены:

– Ты и сейчас по-прежнему меня любишь, Биби?

Наконец-то, Бог услышал ее мольбы, муж образумился! Счастливая Биби ответила тотчас-же:

– И сейчас, и завтра буду любить! Не только побои твои стерплю, но даже если ты ножом ударишь меня, я умру, все равно любя тебя, Реджеп.

Реджеп невольно улыбнулся, слушая жену. «Она все такая же наивная дуручка. Мать троих детей, а говорит, как девчонка: люблю, умру».

Он начал вить вокруг Биби свою паутину:

– Но если так, ты не должна противиться моему росту.

Биби не сразу догадалась об уловке мужа, ответила с присущей ей наивностью:

– О чем ты говоришь, разве же я могу противиться этому? Напротив, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы помочь тебе.

– Честно, Биби?

– Честно.

Реджеп многозначительно улыбнулся.

– Значит, ты готова на все, чтобы я был счастлив?

– Ради этого я готова даже на смерть, Реджеп.

Реджеп подумал немного, потом, решив, что теперь самое время, решительно заявил:

– Мне твоей смерти не надо, ты лучше уйди домой, Биби!

Биби, которая чуть было не поверила, что счастье вновь вернулось к ней после той размолвки, вызванной погубленным тутовником, почувствовала, как почва вновь уходит у нее из-под ног. Голова закружилась, в ушах возник стойкий звон. Мечты, в осуществление которых она чуть было не поверила, вновь отдалились от нее. Оглушенная, она стояла, не в силах вымолвить ни слова. Наконец, справившись с пронзившей ее болью, она выдавила из себя:

– Ты хочешь разойтись со мной?

Реджеп, изо всех сил подавляя в себе желание заорать, ответил

как можно спокойнее:

– Если ты и в самом деле любишь меня, не стой у меня на пути, Биби. В любом случае я уже не владею собой, не отвечаю за свои поступки.

– Жалеть ведь будешь, только потом поздно будет, Реджеп.

Реджеп чуть было не закричал: «Это не твое дело, сучка!», но сумел сдержаться.

– Если и пожалею когда-то, то сам же и буду страдать. А детям буду помогать.

Биби вздрогнула:

– Нет, нет! Если уж мы разведемся, я избавлю тебя от забот о детях. Я немало видела женщин, которые оставались вдовами с несколькими детьми на руках. Никто из них с голоду не умирал.

– Биби пыталась успокоиться, но у нее не получалось, голос ее все больше дрожал. Горькие слезы, омывая щеки, насквозь промочили концы платка. Прижав к груди малышку-дочь, она зарыдала в голос. – Только они держат меня, надоело мне жить, надоело! А ты свободен, можешь идти, куда глаза глядят, где тебя ждет счастье и высокий пост...

Реджеп помолчал немного, опустив голову, потом посмотрел на жену горящим взглядом:

– А что, если тебе уйти?

– Куда же я пойду с тремя детьми? Я же тебе сто раз говорила, что меня нигде не ждут! – Биби распалялась все больше. – Вон есть суд, есть милиция, если на то пошло, можешь обратиться в сельсовет, дели дом на двоих. Я согласна. Но я не соглашусь, если ты будешь настаивать на том, чтобы я вместе с детьми оставила этот дом. Я ведь тоже немало труда вложила в этот дом. Так что можешь быть спокоен, пока я жива, своими ногами отсюда не уйду, если только мой труп не вынесут.

Реджеп тяжело вздохнул. «Уфф!», он испытал огромную тяжесть, навалившуюся на него. «Что же мне делать? Или, может, и в самом деле разделить дом и имущество на двоих?» И вновь перед его мысленным взором появилось недовольное лицо Гульняз. «Господи, о чем ты думаешь? Если мы хотим купить дом в Ашгабате, разве нам хватит денег, вырученных за полдома в селе? И потом, если твоя наложница будет занимать полдома, то

там всегда будут споры и скандалы. Найти покупателя на вторую половину дома будет непросто». Реджеп в отчаянии поднес руку ко лбу:

– Выходиит, у меня нет другого выхода, как убить тебя!

Биби и сама рада бы уйти из жизни, чем так жить, но ее держат трое малолетних детей. О чем только не передумалаа она с тех пор, как рухнуло любимое дерево сельчан, а потом Реджеп перешел на работу в школу! Помнится, прежде, когда она узнавала, что кто-то из девушек покончил жизнь самосожжением или же отравился, выпив уксус, она считала таких выжившими из ума. А теперь ей и самой временами в голову прходят такие мысли. Но опять же дет ее, чистые как утренний ветерок, останавливают ее от губельного шага. И каждый раз она, моля о прощении за свои дурные мысли, вместе с тем молиит аллаха о том, чтобы завтрашний день принес ей облегчение, чтобы все ее проблемы наконец-то разрешились.

Биби, хоть и думала весь последний год о том, чтобы свести счеты с жизнью, не поверила ушам, услышав слова мужа:

– Ты серьезно?

Реджеп, не меняя позы, ответил:

– Если ты и в самом деле не намерена уйти из дома, то и я серьезно.

Биби ответила тихим голосом отчаявшегося человека:

– Тогда убивай, я согласна.

Реджеп еще какое-то время сидел неподвижно, размышляя о чем-то своем, потом вдруг резко встал с места. Потом посмотрел по сторонам и махнул рукой в сторону висящей на гвозде скрученной в моток веревки:

– Иди, принеси ее.

Биби бросила моток рядом с мужем. Реджеп взял конец веревки, неторопливо сделал из нее петлю и покосился на жену:

– Пошли!

Мелкая дрожь охватила все тело Биби, когда она поняла, что муж не шутт. Посмотрела на безмятежно спящую дочку, перевела взгляд на веревку, прикусила губу: «Эх, жаль, что моих сынишек тут нет!»

Не замечая внутреннего состояния жены, Реджеп по-своему

расценил ее колебания:

– Что, испугалась? Ты же сама только что сказала, что согласна на смерть?

Биби вдруг прижала девочку к груди, расцеловала ее в обе щеки. Потрявоженный ребенок скривил губки, но когда его положили на место, успокоился, заснул опять. Убедившись, что ребенок спит, ровно дыша, Биби повернулась к Реджепу с непонятным чувством то ли злости, то ли сожаления:

– Куда идти?

Вертя в руках моток веревки, Реджеп охотно подсказал:

– Иди к лестнице, прислоненной к стене.

Биби молча покорно направилась в указанное место. Реджеп прикрепил веревку к одной из верхних ступеней лестницы, а другой конец, с петлей, протянул жене:

– На, надень на шею.

Глядя вдаль невидящим взглядом, Биби холодно отозвалась:

– Думаю, что палач сам это должен сделать.

– Что, не очень приятно умирать? – Реджеп глупо усмехнулся и надел на ее шею петлю. – Может, раздумаешь, тогда у тебя есть пара секунд времени, говори!

Биби, все так же глядя вдаль, ответила равнодушно:

– Начиная, но слезы моих детей обязательно отольются тебе.

– Тогда на меня не обижайся! – с этими словами Реджеп потянул за конец веревки, который был у него в руках. Когда петля начала сдавливать горло, Биби издала странный звук.

В этот момент из соседнего дома с серпом в руках вышла Марал-эдже, чтобы накосить травы для скотины. Увидев их, она пришла в ужас. Серп выпал у нее из рук.

– Аю, что ты там делаешь, развратник!

От неожиданного истошного крика Реджеп невольно выпустил веревку. Видя бегущую в их сторону Марал-эдже, он бросил веревку и рассмеялся:

– Мы шутим, Марал-эдже. – Реджеп поспешно снял с шеи жены петлю. – Я проверил мужество Биби, правда ведь?

Биби и на этот раз постаралась все скрыть. Поднеся руку к саднящей шее, ответила утвердительно:

– Да...

Только после этого Марал-эдже успокоилась. Она уходила от них, ворча:

– Да что же это за игры такие, бесстыжие! Если вам делать нечего, займитесь лучше своим меллеком, пока он окончательно в непроходимые заросли не превратился...

\* \* \*

Довран Агалы. Powestler